

Классовость-I: Этап формирования

Как и требование идейности, понятие классовости и мысль о классовом характере новой литературы берут свое начало в работах классиков марксизма. «Свободный от вульгарно-социологического толкования явлений искусства»²⁸, Маркс писал, что, несмотря на то, что те или иные писатели по своему образованию и индивидуальному положению могут быть далеки, к примеру, от лавочников, но «представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль не в состоянии преступить тех границ, которых не преступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит практически его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между политическими и литературными представителями класса и тем классом, который они представляют»²⁹. В дополнение к этому может быть приведена мысль Энгельса о возможности перехода представителей других классов на позиции пролетариата. Так, в 1883 году Энгельс писал: «Если “образованные” и вообще пришельцы, происходящие из буржуазных кругов, не стоят *полностью* на пролетарской позиции, они только вредны. Но если они действительно стоят на этой позиции, они могут быть очень полезны и их следует приветствовать»³⁰.

В статье «Партийная организация и партийная литература» Ленин конкретизирует обобщенные замечания основоположников марксизма и формулирует положение о всегда классовом писателе, предлагая два типа писателей: несвободного буржуазного писателя и свободного, открыто связанного с пролетариатом. Надклассового, беспартийного писателя, по Ленину, не существует, т. к. «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»³¹; классовость буржуазного пи-

сателя становится синонимом его несвободы, а зависимость писателя от класса пролетариата становится у Ленина выражением его свободы, проявляющейся в:

— зависимости от партии: обязательное членство в партии, — «литераторы должны войти непременно в партийные организации»;

— зависимости от читателя — социалистического пролетариата, который не только будет контролировать писателя, но и непосредственно, «внесением живой струи живого пролетарского дела», участвовать в процессе творчества;

— зависимости от идеи: писателем будет двигать не корысть, а идея социализма (требование единой идейной направленности) и сочувствие трудящимся;

— зависимости от масс: писатель будет служить миллионам трудящихся, а не «пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения верным десяткам тысяч» (отсюда, в частности, впоследствии вырастает концепция народности);

— зависимости его творчества от определенного вида практической деятельности: его творчество будет отражать соединение революционной мысли и «живой работы социалистического пролетариата». Эту ленинскую мысль мы найдем потом «претворенной» в рапповском призыве «Писатель — на производство», в движении ударников, в требовании соединения теории и практики, выразившемся в поездках писателей на «великие стройки коммунизма» и т. д.

Перечислив все виды зависимости пролетарского писателя, Ленин тем не менее приходит к выводу, прямо противоположному сути приведенных положений: пролетарский писатель свободен, так как он может открыто сделать свой выбор, но выбор у него, по Ленину, только один — встать на сторону пролетариата, иначе он будет буржуазным писателем, т.к. беспартийных писателей нет (согласно Ленину, «беспартийность — идея буржуазная»). Бинарная ограниченность ленинской мысли здесь мало чем отличается от рапповского лозунга 1931 года «Не попутчик, а союзник или враг». Но классовость как требование открыто выражать интересы класса не сводится ни у Ленина, ни у Луначарского к идее классового происхождения самого писателя (на это были разные причины, в том числе и то обстоятельство, что подавляющее большинство теоретиков марксизма были непролетарского происхождения). Так, Луначарский в «Письмах о пролетарской литературе» писал, что главное качество пролетарской литературы — это классовая точка зрения писателя, определяющая его восприятие жизни и ее отражение в художественном творчестве, но никак не его классовое происхождение: «Когда мы говорим пролетарская (литература), то мы имеем ввиду классовая. Эта литература должна носить классовый характер, выражать или вырабатывать классовое мировоззрение»³². Луначарский особо выделяет служебный характер классовой литературы и рассматривает ее почти исключительно как средство воспитания классового мировоззрения.

Одним из первых критиков, применивших классовый признак как оценочный в литературном анализе, был Воровский, который в статье «Еще раз о Горьком» писал: «Для того чтобы появилась настоящая пролетарская поэзия, необходимо, чтобы психика художника была не только творческой, но и пролетарской»³³. Анализируя произведения Куприна и Бунина, Воровский приходил к выводу об ограниченности их мировоззрения в связи с тем, что «борьба пролетарских масс» не отразилась в их творчестве. Такая ограниченность привела писателей к одностороннему пониманию явлений действительности и, как следствие, к одностороннему их изображению. Сконцентрировавшись на изображении отрицательных явлений, эти писатели не «в состоянии со своей точки зрения увидеть и оценить зародыши новой идеологии»³⁴. Воровский сравнивал бунинскую «Деревню» и повесть Горького «Лето», в которой он видел «истинное изображение деревенской жизни», что было закономерным следствием того, что писатель стоит на «идейных позициях рабочего класса». Таким образом, в дооктябрьский период категория классовости формируется как оценочная, а требование классово-

вости писателя смыкается с требованием открытой тенденциозности и становится условием изображения «правды жизни». Однако, классовость писателя не равняется его классовому происхождению (в «классовом сектантстве» обвинялись теоретики Пролеткульта), классовым писателем делает его «открытая приверженность» интересам класса.